

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. In the foreground, a young man with dark, slightly messy hair and a white streak on the left side of his forehead looks off to the side with a serious expression. He is wearing a dark, textured robe. His right arm is replaced by a highly detailed, metallic, and glowing prosthetic limb. In the background, a large, gothic-style stone building with multiple arched windows is visible. Some of the windows are illuminated from within, casting a warm red glow. The building appears to be in a state of decay or is partially obscured by shadows. The overall color palette is dark, with greys, blacks, and browns, punctuated by the red light from the windows and the glowing blue-white light of the prosthetic arm.

ГЛУШИТЕЛИ

Книга 2

АЛХИМИК
СТРАХА

Сергей Носницын

Сергей Носницын

Алхимик страха. Вторая книга серии «Глушители»

<https://litres.ru/74007931>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шесть месяцев назад Элиан Норвуд закрыла Дверь в мир без боли и стала Хранительницей. Теперь она чувствует страдания всего Трилистника — и медленно умирает под их тяжестью.

Ксан Рейвенвуд потерял дар. Его стеклянная рука разбита, голоса в голове замолкли. Он больше не Алхимик. Он — никто.

А в городе пробуждается древний Голод. Он питается чужим страхом, и его жертвы перестают бояться — и перестают жить.

След Голода ведёт Ксана в дом отца — в особняк Рейвенвудов, где из стен растёт стекло, а из прошлого выползают чудовища. Чтобы спасти Элиан, он должен вернуть свой дар. Цена — встреча с тем, кто его создал. И прощение того, кого он ненавидит.

Но Голод — не монстр. Голод — это то, что остаётся, когда боль заканчивается. И он уже выбрал свою следующую жертву.

Сергей Носницын
Алхимик страха. Вторая
книга серии «Глушители»

Глава 1

Глава 1. Алхимик страха

Пролог. Шёпот страха

Ксан Рейвенвуд открыл глаза — и в тот же миг, ещё до того, как окончательно пришёл в себя, он ощутил: что-то горит там, где давно уже всё сгорело и гореть больше нечему. Там, где пять лет назад осталась лишь культя, перетянутая кожаным ремнём.

Это был не настоящий огонь — он не грел воздух, не оставлял ожогов на коже. Он полыхал где-то глубже, в закоулках нервной системы, которая всё ещё «помнила» пальцы, ладонь, предплечье. Культя, перетянутая кожаным ремнём, вспыхнула багровым светом — не отблеском стеклянного протеза, не магической силой его старого дара, а болью без формы, живой и требовательной, словно хищная птица, клюющая свою добычу.

Он не испытывал такой боли в течении пяти лет.

С тех пор, как вулканическое стекло заменило руку, когда с протезом он приобрёл магическое мастерство — точное, продуманное: вдох — и страх превращается в хрупкую стеклянную прозрачность, выдох — и мир успокаивается. С тех времён, когда его страх научился молчать.

А теперь молчание превратилось в жуткую боль.

— Тебе что-то приснилось? — прошептала Элиан, не открывая глаз. Её голос был тихим, но почему-то пробирал до мурашек — как если бы ты коснулся холодной железаки и потом ещё долго чувствовал этот ледяной отпечаток на коже.

Она лежала рядом, на узкой кровати в его часовне, и её кожа всё ещё мягко светилась серебром, похожая на тусклую луну, притаившуюся в тени. Полгода назад сияние кожи было ярче, бросалось в глаза, а теперь слабенько отсвечивало. Но даже этого слабого света хватало, чтобы всё вокруг смотрелось по-другому: стены вытягивались вверх, тени сгустились, стали плотнее, а тишина стала какой-то осязаемой — словно вязкое масло медленно обволакивало комнату, заполняя каждый уголок.

Ксан прижал культию к груди, и серебряный свет дрогнул, отразившись в неровностях стен. В этом мерцании тени двух спящих превратились в сплетённые силуэты на стенах, они выглядели, как древние великаны, застывшие в вечном объятии.

— Нет, — ответил он. — Я был бы рад, если бы это был сон. Но у меня реально болит рука, я схожу с ума от этой боли.

Элиан проснулась от этих слов и медленно села на кровати. Серебро её тела на миг стало ярче — не от прилива сил, а от упрямой привычки жить, когда другие уже закрывают глаза.

— Тебе нужно отдохнуть, — посоветовала она. — Ты нор-

мально не спишь уже третью ночь.

— А ты? — Ксан криво усмехнулся. — Ты вообще когданибудь спишь? Или ночи напролёт слушаешь чужие крики?

Элиан промолчала, но это молчание было честнее любого ответа. Ксан прекрасно знал: когда вечером жители города запирались у себя в тёмных комнатах, их боль оставалась снаружи и выходила на прогулку. Поэтому Элиан можно было увидеть ночью, лежащей рядом с его часовней, словно стражник охраняющий вход в кошмар, и слушала, как от боли стонет Трилистник.

Трилистник был болен.

Боль мира — та, которую не успела забрать Дверь, — стекалась в город, как река в высохшее русло, ставшее слишком узким. Элиан Норвуд была Хранительницей боли — последней надеждой Рванных, средством способным облегчить страдания, она переживает за людей которых даже не знает.

Элиан не жаловалась на свою тяжёлую долю.

Но Ксан видел, как ей тяжело, она тает с каждым днем — медленно, как свеча на ветру. День за днём, час за часом. Элиан ослабла: её некогда могучая сила теперь едва теплится, как угасает последний уголёк в костре.

— Сегодня пришёл новый потерпевший, — вдруг произнесла Элиан, и голос её стал совсем тихим. — Глушитель из окрестных предместий.

— У него глаза не повреждены? — коротко уточнил Ксан. Элиан едва заметно кивнула.

— Нашли в канаве. Без глаз. Он ничего не помнит.

В груди Ксана шевельнулось привычное предвкушение драки : в голове возник образ злодея с которым нужно бороться. В голове само собой возникло описание противника.

— Это Голод? — догадался Ксан.

— Кто же ещё. Конечно он.

Они поднялись не спеша, прекрасно понимая, что их спешка не повлияет на страх, он никуда не денется. Ему нужен хаос, который возникает в спешке. Ксан накинул куртку. Левый рукав остался пустым, болтался обрывком собственной судьбы. Кожа на культе была стянута кожаным ремнём — и этот ремень каждый раз напоминал: чего то не хватает.

Элиан пристегнула пояс с инструментами. Теперь они были не просто предметами — это была её работа, она приняла присягу и теперь вынуждена нести этот крест. До недавнего времени Ксан превращал страх в стекло. Но теперь мир требовал другого: изъятия боли, последнего ощущения у умирающих, чтобы инквизиция не только ловила преступников, а могла выяснить причину преступления.

Возле часовни была особенная аура, как холодное дыхание, которое бывает в местах, куда приходят, чтобы выжить.

В помещении догорали свечи. На алтаре, там, где раньше лежали стеклянные осколки — доказательства магического дара Ксана, — теперь стояла деревянная статуя какого то святого. Вайолет настояла её поставить: порядок нужен

всегда даже когда вокруг кровь и беда.

Дерево статуи было тёплым, согретое воздухом часовни, но тишина вокруг, была холоднее металла.

— Ты готов? — спросила Элиан.

Ксан выдохнул. Слова застряли в горле.

— Нет, — честно ответил он. — Но разве это когда-нибудь останавливало нас?

Девушка улыбнулась. Слабо. Устало. И всё равно — улыбка была искренней. В ней было то, ради чего он ещё не сломался совсем.

Рядом с ней он находился не из за её силы — эта девушка была смыслом его жизни.

Двое молодых людей вышли в ночной Трилистник.

Город засыпал тревожно. Даже в богатых кварталах не горели свечи — люди боялись света. Боялись теней, что вытягивались вдоль стен, жители чуяли, что может произойти что то нехорошее. Казалось, стоит лишь зажечь фитиль — и тени оживут, шагнут с каменных стен в твои комнаты, начнут шептать на ухо про забытые кошмары. Боялись того, что Голод может принять их форму и заглянуть в душу и узнать всё про тебя. Только две фигуры шли по вечернему городу, каждый шаг звучал слишком громко, похоже, улица записывала их дыхание в собственный реестр смерти.

— Вайолет ждёт нас в морге, — уточнила Элиан, шагая по брусчатке, так будто шаги поддерживали ритм биения её сердца.— Тело Глушителя нужно осмотреть до рассвета.

— Почему именно до рассвета? — поинтересовался Ксан, поправляя воротник пальто.

— Потому что после восхода солнца оно может... измениться, — тихо ответила Элиан. — Вайолет заметила, что кожа Глушителя уже начала светиться в темноте. Слабо, почти незаметно. Но она заметила. И Вайолет боится, что к утру от него останется только пепел — и мы не сможем узнать причину его гибели.

Спутник Элиан молча кивнул и прибавил шагу.

— А что потом? — Ксан слышал собственный голос так, будто говорил кто-то другой.

Элиан остановилась и посмотрела на своего спутника.

— Потом я пойду одна, — ответила она.

Ксан замер от неожиданности.

— Что? Почему одна?

— Потому что теперь твой магический дар не работает, Ксан.

Слова упали между ними, как стекло на камень: тихо, но достаточно, чтобы что-то треснуло внутри.

— Ты сам сказал. Ты не можешь превратить чужую боль в стекло, способен бороться только со своей болью. — Ну и что тогда?

— А против Голода твоя боль бесполезна. Он питается страхом. Чем больше ты боишься — тем он становится сильнее.

Ксан подавил смешок, который рвался наружу, выдавая

неловкость момента.

— Я не боюсь.

Элиан повернулась к нему. В серебряном свете её глаза были пустыми — не пустотой Глушителя, не той белой тишиной, что бывает у лишённых памяти. Это была пустота усталости. Той, которая скопилась не за одну ночь, а накапливалась годами.

— Не ты боишься? — тихо произнесла она.

Ксан хотел возразить — и не смог. Потому что правда не требует доказательств, когда ты сам это чувствуешь, но боишься признаться.

— Ты же боишься, что стал ненужным. Что я могу справиться без тебя. Ты считаешь себя обузой для окружающих. .

Ксан открыл рот, чтобы возразить. Но слово «нет» застряло внутри, вместо этого он тихо прошептал: «да». И с ужасом понял, что отчасти Элиан, права.

Он сжал культию так, будто мог вернуть себе утраченную руку одним только эти нажимом.

— Я не брошу тебя, — уверенно произнёс он, не желая вступать в спор. — Я не прошу помогать мне, — ответила Элиан. — Я прошу тебя подождать здесь. Дай мне возможность разобраться со всем самой.

— Тогда обещай, что когда ты вернёшься... тогда и поговорим, — добавил он, и понял, что попросит не её, их прежнюю жизнь, где разговоры всегда помогали разрешить разногласия.

Она кивнула в знак согласия.

— А если ты не вернёшься? — вырвалось у него раньше, чем он успел сделать вид, что сомневается в успешном окончании её работы.

Элиан посмотрела на звёзды — бледные, едва заметные, как обещание, которое трудно сдержать.

— Тогда ты станешь последним Глушителем, — весело ответила она. — И найдёшь способ, чтобы меня вернуть.

В этом не было ничего страшного. Просто Элиан приняла решение, которое звучало как рабочая инструкция: шаг, другой шаг, третий... и главное не упасть.

Она подошла ближе и поцеловала его — коротко, почти неощутимо. Это было похоже не на прощание, просто девушка поставила точку в разговоре. Как печать на документе: «Я здесь, даже когда ухожу». И ушла

Шаги её быстро исчезали в темноте, Ксан остался на пустынной улице, сжимая культию, и смотрел ей вслед, пока мир не перестал быть картинкой и не стал — просто ожиданием.

Впервые в жизни он чувствовал себя не Алхимиком.

Не Рейвенвудом.

Не тем, кто превращает страх в стекло.

А просто мальчишкой — тем, кем он когда-то был до ремесла, до присяги, до того дня, когда мир решил, что его рука слишком ценна для жизни. Мальчишкой, который боится темноты.

И в этой тьме страх внутри его шептал ему: «Будь внима-

тельное». Потому что Голод не разбирает слов — он питается неуверенностью, пьёт её, как воду. И где-то там, в глубине города, кто-то уже сделал первый глоток — первый шаг к неизбежному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.